

С.В. Рыбаков
Уральский государственный технический
университет, г. Екатеринбург

РЕГИОНАЛИСТИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Сегодня многим российским политикам, экономистам, обществоведам вполне понятно, что при выборе путей и средств модернизации России необходимо учитывать специфические особенности страны, являющиеся продуктом реальных исторических процессов, и владеть конкретными знаниями во многих практических сферах. В этих условиях насущной необходимостью становится качественное обновление научно-познавательного инструментария. Перед наукой вырисовывается задача вплотную заняться проблемами российской социокультурной идентификации, дать полноценный «цивилизационный портрет» России. Эта задача полностью соответствует главному назначению науки, связанному с выработкой адекватных знаний о действительности, со стремлением к логичному и непротиворечивому пониманию окружающего мира. Излишне доказывать, что выполнение такой задачи должно быть свободно от разного рода конъюнктурных влияний, должно опираться на весь спектр как новационных, так и традиционных средств.

Одним из феноменов современной науки, возникшим на стыке методического новаторства и практического традиционализма, явилась регионалистика. В российском научном сообществе наблюдается устойчивый рост внимания к ней. Главной задачей этого достаточно молодого для нашей страны научного направления стало комплексное и системное изучение регионов. В данном случае под регионами понимаются не административно-территориальные образования в виде областей, краёв и национальных автономий, а особые историко-культурные зоны – территориальные комплексы, рассматриваемые в исторически стабильных географических границах с учётом многовековых изменений состава населения, его этносоциальных и культурно-языковых характеристик, хозяйственного уклада, политического строя и мировоззренческих предпочтений.

Термин «историко-культурные зоны» призван подчеркнуть как историческую динамику, так и типологическую спецификацию того или иного региона. Регионалистика никоим образом не сводится к статическим характеристикам отдельных территорий. Её назначение связано с изучением, фиксацией и оценочным анализом основных парадигм регионального развития. Тематика регионалистики методологически «вписана» в исторический контекст. С этой точки зрения одной из её доминантных особенностей как научно-исследовательской отрасли оказывается принципиальная зависимость от теоретического и методического инструментария, используемого исторической наукой. Регионалистике присуще смысловое взаимодействие с историей. Нередко регионалистика и воспринимается как региональная история или социокультурная история того или иного региона.

Однако её предметные границы определяются не только этим взаимодействием. Важнейшей характеристикой регионалистики является её синтезная взаимосвязь с такими научными дисциплинами, как краеведение, археология, антропология, этнография, религиоведение, политология, социология, лингвистика, демография, статистика, экономическая география, экология. Отсюда ясно, что познавательный потенциал регионалистики базируется на суммарных результатах исследо-

ваний в разных отраслях гуманитарного и обществоведческого знания. Регионалистика наглядно отразила системный подход к научным исследованиям, к получению полезных, практически применимых знаний. Она нацелена на то, чтобы стать макродисциплиной, выполняющей интеграционную функцию и базирующейся на обобщении и синтезе, на придании общезначимого масштаба результатам «узкопрофильных» исследований.

Та научная картина, которую призвана представить регионалистика, оказывается результатом корректного и сбалансированного совмещения исследовательских данных, которыми оперирует каждая из отдельных научных дисциплин, взаимодействующих с ней. В такой картине находят место и этногенез, и социально-демографические процессы, и процесс антропологического воздействия на ландшафтную сферу. Алгоритм совмещения этих процессов производится посредством использования категории «топохрон», раскрываемой как культурный тип с характерной, архетипической социально-поведенческой ментальностью, тесно увязанной с координатами времени и пространства. Семантически родственным «топохрону» является термин «хронотоп», понимаемый как устойчивый стереотип поведения в пространственных и хронологических координатах.

Концептуальные установки регионалистики основываются на том, что задача адекватного отражения действительности не может быть полноценно реализована на том методологическом поле, где абсолютизируется либо социологическое, либо биологическое начало человеческой природы. Современный подход к антропологии не разводит и не противопоставляет индивидуальные и социальные характеристики человека, рассматривая их как компоненты двуединой природы. Одновременно этот подход признаёт отсутствие жёсткого равновесия между этими характеристиками и наличие таких инвариантов человеческого поведения, в которых отражаются определённые диспропорции между индивидуальным и социальным началами. Эти диспропорции объясняются усложнением культурно-цивилизационной деятельности внутри людского сообщества.

Концептуально-теоретические параметры регионалистики требуют дополнительной «шлифовки». Но уже сейчас очевидно: они тесно связаны с антропологическим фактором. Человек, его обязательства, права, потребности, психология – вот что находится в подтексте регионалистских исследований. Не последнее место в этих исследованиях занимает проблема соотношения новаторства и традиций.

Регионалистика не занимается новациями как таковыми, они интересуют её только с точки зрения взаимодействия с определёнными хронотопами. Очевидно, что предметность регионалистики намного теснее связана с традициями, нежели с новациями. Научно-прикладной вектор регионалистики направлен на достижение конкретных, прагматических результатов. Такого рода прагматика не может быть понята вне традиционализма, вне устойчивых, проверенных вековой практикой ментальных ценностей. Традиционализм является концептуальным ядром регионалистики. Хроноторопы – это и есть комплекс определённых традиций, сумма эндогенных факторов. Отвергая механические шаблоны, регионалистика ищет дополнительные, нераскрытые пока резервы развития тех или иных историко-культурных зон именно в сфере действия эндогенных факторов, за которыми скрыт немалый ментальный, культурный, хозяйственный опыт, когда-то задействованный, но в большинстве случаев оказавшийся дезавуированным под унифицирующим воздействием повсеместно насаждавшихся доктринальных схем.

Отношение к традициям должно быть не начётническим, а творческим. Следует отделять традиции от замшелой архаики и понимать, что главное смысловое назначение традиций – не консервация существующего порядка вещей, а реализация принципов, в народном сознании выраженных формулами «не навреди», «семь раз отмерь – один раз отрежь». Традиции предостерегают против такого недостатка, присущего части нынешнего обществоведения, как отрыв от человеческого фактора. За таким отрывом кроются крупные теоретические пороки, связанные с представлениями о фатальной зависимости человека и общества от социологических закономерностей, существующих будто бы в автономном режиме и превращающих людей в своих заложников, чаще всего безличных и безликих.

Разумеется, не существует никаких противопоставлений для создания теоретических моделей истории и общества. В процессе познания полностью обойтись без теоретических построений нельзя. Но они ничего не решают, если отделены от ценностных ориентиров, от этики и морали. Восстановление чётких нравственных критериев по сути дела означает реабилитацию проверенных временем этических традиций, векового духовного опыта.

В некоторых теоретических схемах слово «традиция» отождествляется с некой формальной, статичной истинностью. Но традиция – это отнюдь не «мёртвая» статика. В реальной практике каждой эпохи традиция находит для своего самовыражения специфические пути и средства. Они могут быть замысловатыми и причудливыми, но это не отменяет традиции как таковой. Она всегда присутствует в историческом бытии, наиболее наглядно проявляясь в сохранении культурно-исторической идентичности и самостоятельности той или иной страны, того или иного народа. Традиция выполняет функцию определённой познавательной установки, благодаря которой народ, национальная культура, та или иная цивилизация становятся исторической реальностью, остаются собой, несмотря на изменения, претерпеваемые ими во времени. Утрата традиции означает исчезновение народа, культуры, цивилизации. Невозможно «отменить» познавательный потенциал традиции, связанный с использованием накопленного за века богатства человеческой мысли.

Традиция выражает связь между поколениями, нормы и особенности, присущие сознанию людей, принадлежащих к одной цивилизационной, этно- и социокультурной общности. Традиция не навязывает формальных истин, но при этом раскрывает внутреннюю достоверность тех или иных ментальных ценностей, обеспечивает устойчивость культуры, противостоит хаосу в умах и душах людей. Только в искажённом сознании устойчивость может отождествляться с некой архаичностью. Традиция – вовсе не архаика, её главное назначение сводится не к консервации прошлого, а к обеспечению единства между прошлым, настоящим и будущим.

Исследование историко-культурных зон нацелено на построение логико-смысловой конструкции, в которой топохроны выступают элементами единой культурно-коммуникативной сети. Проникновение в мир каждого топохрона выражает диалог разновременных культур. В этом диалоге регионализм казался бы берёт на себя функции, органично присущие, с одной стороны, историографии, с другой – культурологии. Однако применительно к регионалистике «диалогическая» функция приобретает новую смысловую окраску, ибо она направлена не на поиск общих, универсальных, обобщённых закономерностей «диалога культур», а на выявление его деталей, подробностей, локальных особенностей в рамках той или

иной историко-культурной зоны. С точки зрения регионалистики планетарная панорама культурно-исторического процесса выстраивается как мозаичное единство отдельных, отличающихся друг от друга, но достаточно конкретных и определённых историко-региональных феноменов – топохронов, запечатлённых в непрерывной динамике.

Точно также и культурно-историческая характеристика России в ракурсе регионалистики предстаёт не как некая шаблонная, механическая целостность, а как живое собрание самобытных подробностей, как «единство в многообразии». Культурно-историческое развитие огромной по территории и полиэтнической России никогда не подчинялось единой, шаблонной схеме. Россия – это историко-культурный континент, на котором происходило и продолжает происходить общение и творческое взаимодействие субэтносов и субкультур. Территориальное, политическое, социокультурное единство России ни в коей мере не противоречит наличию в ней историко-культурных зон, среди которых легко выделить такие, как Северо-Западная Русь (Новгородская, Псковская, Ленинградская области), Русский Север (Беломорско-Ледовитый бассейн), Средняя Россия (Волго-Окское междуречье), Южная Русь (Азовско-Черноморский бассейн), Северный Кавказ, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток.

Наличие историко-культурных зон внутри России – реальность, обусловленная историей вхождения разных земель в состав единого государства, ландшафтно-климатическими условиями, культурно-этническими различиями, хозяйственной специализацией и многими иными факторами. Признание такой реальности не несёт угрозы государственно-политическому единству России. Напротив, оно позволяет двигаться к прочному единству страны, оставаясь на практической почве, не уносясь в абстрактно-теоретические выси.

Залогом успешности регионалистских исследований является понимание того, что они не должны сводиться только к материально-экономическим факторам. Их предметность связана с духовно-этической и эстетической сторонами культурно-исторического бытия. Внимание ко всему спектру аксиологической тематики поможет регионалистике выйти на решение такой задачи, как перспективное теоретическое и практическое моделирование развития разных регионов Российской Федерации. В идеальном варианте такое моделирование должно стать частью долгосрочных государственных стратегических программ, нацеленных на обеспечение благоприятных исторических перспектив России как «единства в многообразии».

Было бы ошибкой замыкать исследовательские интересы регионалистики только рамками отдельных регионов, их сугубо внутренними вопросами. Её актуальной задачей становится теоретическая разработка проблемы взаимодействия регионов и формулирование практических рекомендаций для административных органов. Эти рекомендации должны быть нацелены на значительное повышение эффективности межрегионального взаимодействия.

Квалифицированное обобщение научных данных, предоставляемых регионалистикой, служит резервом для совершенствования работы центрального правительства, постоянной заботой которого является проблема неравномерного развития разных регионов. Разрывы в развитии между ними приводят к заметной дифференциации уровней жизнеобеспечения и благосостояния населения, когда простая «привязка» к регионально-географическому фактору означает в одних случаях вполне приличный уровень материальной обеспеченности людей, в других – откровенную бедность. Попытки центра ликви-

дировать эти разрывы чаще всего осуществляются за счёт перераспределения финансовых средств между регионами-донорами и регионами-реципиентами. Но непосредственная практика показывает, что все финансовые бреши экономически слабых регионов закрыть всё равно не удаётся. Поэтому проблему отстающих регионов нужно решать не за счёт льготных кредитов, бюджетных дотаций и других «подачек» из центра, а за счёт их экономической и культурной самореализации. Главным тормозом такой самореализации следует признать унифицирующие шаблоны, упрощённо понимаемую директивность, безразличие к особым, специфическим чертам и характеристикам разных историко-культурных зон. Стратегические перспективы страны не в последнюю очередь зависят и от того, удастся ли переломить иждивенческую психологию в дотационных регионах и верно определить эндогенные стимулы для динамичного развития каждого из этих регионов.

Регионалистика, занимаясь изучением специфики отдельных историко-культурных зон, способна дать обобщённый социально-экономический и культурно-ментальный «портрет» каждой из них. Точность такого «портрета» не может быть полной, во-первых, без учёта «топохронных» настроений людей, проживающих в том или ином регионе, во-вторых, без детального каталога внутрирегиональных резервов и потенциальных возможностей. С этих позиций регионалистика призвана помочь повышению социально-экономических стандартов жизни народа. Оно является главной прикладной задачей, выполняемой регионалистикой. Её исследовательские данные могут и должны послужить практической базой для разработки и внедрения программ социально-экономического и культурного развития регионов-реципиентов. Как известно, к таким регионам относится более половины субъектов Российской Федерации. Свою роль в их развитии могло бы сыграть наращивание интеграционных, кооперационных связей между регионами, входящими в общую для них историко-культурную зону.

Пути и средства проведения эффективной региональной политики в нынешней России определены только контурно. На сегодняшний день, говоря в целом, региональная проблематика изучена слабо. Центру ещё предстоит осознать, что нужно не остерегаться дифференцированной региональной политики, а использовать её как необходимый рычаг решения важных стратегических задач. Россия нуждается в принципиально новой концепции развития регионов, направленной на решение двукратной задачи – сохранения территориальной и политической целостности страны и преодоления её хозяйственной фрагментации за счёт максимального использования внутренних потенциалов всех без исключения регионов. В формировании этой новой концепции своё весомое слово должна сказать регионалистика – комплексная наука, которую ожидают большие перспективы.

СЕКЦИЯ 1. ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ПО ДАНЫМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Т.И. Оконникова

*Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск*

РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ РЕКОНСТРУКЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУР ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ В ТРУДАХ А.В. ШМИДТА

Алексей Викторович Шмидт (1894-1935) – ведущий специалист в области уральской археологии 1920-х – первой половины 1930-х гг. Этот период в истории отечественной археологии известен как переломный, что стало следствием прямого вмешательства государства в сферы научной компетенции. Основным содержанием первых послереволюционных десятилетий стало внедрение (с конца 1920-х гг. ставшее насильственным) марксистской теории в археологические исследования. Сложный и противоречивый характер эпохи в полной мере сказался на научном творчестве А.В. Шмидта. Если его «ранние» (1920-х гг.) труды по различным проблемам уральской археологии реализовывали, прежде всего, культурно-исторические методологические установки (2; 3; 4), то «поздние» (первой половины 1930-х гг.) работы подчинены задачам реконструкции социально-экономических структур древних обществ (5; 6; 7; 8). Не акцентируя в настоящей статье внимания на трудностях психологического плана, которые пришлось испытать Алексею Викторовичу на пути вынужденной «перестройки сознания на марксистские рельсы», отметим, что его «поздние» труды отличаются стремлением выстроить строго научную методологию реконструкции различных сторон жизнедеятельности древних обществ, основанную на марксистской социологической теории.

Наибольший интерес в плане разработки методологических принципов реконструкции структур идеологического («надстроечного») порядка на основе археологических материалов представляет работа А.В. Шмидта «Жертвенные места Камско-Уральского края» (5), основной целью которой стало решение проблемы воссоздания жертвенного обряда верхнекамского общества гляденовского периода (А.В. Шмидт датировал его II в. до н.э. – III в. н.э.), уже с последней четверти XIX в. известного оригинальными памятниками – «костищами».

В качестве ключевой методологической посылки при решении подобного типа задач на основе марксистских установок автор рассматривал необходимость привлечения всего комплекса имеющихся источников: археологических, письменных, этнографических, лингвистических. В указанной работе автор опирался, главным образом, на археологические и этнографические данные.

Следующим шагом А.В. Шмидта стали разработка и обоснование принципов корректного использования этнографических параллелей при истолковании археологических источников. Он считал, что привлекаемые этнографические сведения должны принадлежать народу, который стадially близок ископаемому человеческому обществу. Важная роль отводилась и фактору сход-